

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «16/18»

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Ш.А. Магарамов,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

sharafutdin@list.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрена историография проблемы присоединения Дагестана к России, проанализированы традиционные и новые концепции исследователей. Показан характер политико-дипломатических отношений между царским правительством и дагестанской правящей знатью на протяжении XVII–XVIII вв., приводятся взгляды центра и местных властей на эти отношения и вытекающие из них обязательства. Обоснована дата присоединения Дагестана к России, а именно подписание Гюлистанского мирного договора 1813 г. между Россией и Персией.

Annotation: In the present article there was considered historiography of a problem of Daghestan annexation to Russia, there were analyzed traditional and new concepts of researches. There is shown a nature of political-diplomatic relations between Tsarist government and Daghestan ruling nobility during XVII–XVIII cent. There have been adduced views of the center and local authorities of these relations and obligations followed from them. The date of Daghestan annexation to Russia such as signing the Gulistan Peace Treaty of 1813 between Russia and Persia is justified.

Ключевые слова: Присоединение Дагестана к России, Гюлистанский договор 1813 г., историография проблемы, традиционные и новые концепции.

Key words: Annexation of Daghestan to Russia, Gulistan Treaty of 1813, historiography of a problem, traditional and new concepts.

Проблемы присоединения к России Северного Кавказа, в том числе Дагестана, выстраивание отношений между ними являются одними из важных вопросов отечественного кавказоведения, трактовка которых в российской историографии получила различные версии в разные исторические периоды. В дореволюционной литературе в основном преобладала концепция «завоевания» Кавказа. В советской историографии эта проблема рассматривалась в рамках утвердившейся идеологии. В зависимости от неоднократно менявшейся политико-идеологической конъюнктуры историкам приходилось говорить то об исключительно негативной подоплеке присоединения, то склоняться к концепции «наименьшего зла», то, наоборот, утверждать о «добровольном вхождении» или «присоединении» к Российской империи. В современной историографии нет однозначных оценок проблемы присоединения народов Северного Кавказа, в частности Дагестана к России, каждый отдельно взятый случай рассматривается во всем многообразии его проявлений.

Как известно, присоединение всей территории современного Дагестана к Российскому государству происходило не одновременно, в этом процессе выделяются несколько этапов. Формальное вступление дагестанской правящей элиты в подданство произошло гораздо ранее реального включения их в политико-административную систему России. Более активными политические связи между Русским государством и государственными образованиями Дагестана становятся, начиная со второй половины XVI в. Как было принято в те времена, отношения между царским правительством и местными правителями оформлялись шертями и сопровождалась заверениями в подданстве («холопстве»). «Договор об учинении в подданстве», регулировавший взаимоотношения сторон, исключал возможность вмешательства центрального

правительства во внутреннюю жизнь новых подданных. Последние оставались самостоятельными, и царское правительство не требовало от них полного подчинения себе. Как отмечает современный историк В.В. Трепавлов, «даже формула «холопства» не позволяет утверждать, что принесение шерти означало переход в российское подданство. Прекращение действия условий шерти под влиянием всевозможных политических обстоятельств позволяет трактовать «шартнаме» XV–XVI вв. как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений. На период действия шерти младший партнер как бы переходил под покровительство России, но не включался в число подданных российского монарха» (Трепавлов В.В., 1995. С.29).

Сложное геополитическое положение Дагестана, постоянные османо-персидские войны за господство над народами Восточного Кавказа, проявления агрессии по отношению к местному населению, вынуждало правителей Дагестана обращаться за помощью к Русскому государству. Принося шерть русскому царю, дагестанские правители чувствовали себя защищенными на случай султанской и шахской угрозы. С 1614 по 1642 г. только в Москву прибыло около 20 посольств из Дагестана. Еще большее число посольств из Дагестана побывало в Терках и Астрахани. Вступившие в подданство России дагестанские владельцы, обязаны были нести «государеву службу», охранять дороги, выставлять проводников, следить за безопасностью русских торговых людей, «ходить на государственных изменников» (Гаджиев В.Г., 1959. С. 29). Дополнительной гарантией соблюдения соглашений с местными владельцами служили заложники-аманаты, как правило, из числа сыновей, братьев или других родственников местных правителей. В отношении аманатов взгляды центра и периферии существенно различались. Если воеводы видели в них знак безусловного и исключительного подчинения русскому царю, то местные владельцы – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русским правительством о военном союзе или покровительстве.

Как установили ведущие кавказоведы, заключающиеся соглашения между центральным правительством и дагестанскими правителями не следует воспринимать как обращение в полное подданство русскому царю. Их следует понимать как результат временного совпадения политических интересов местной правящей элиты и русских властей, как военно-политический союз, направленный против османов и сефевидов, боровшихся за господство над народами Кавказа (Магомедов Р.М., Магомедов А.Р., 1994. С. 174; Сотавов Н.А., 1991. С. 179).

Известно, что основу внешнеполитической деятельности дагестанских правителей составляло лавирование между персидскими шахами, османскими султанами и русскими царями. Результатом политики лавирования часто становилось формальное признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху. Периодическое обновление шертей и русско-персидское «общее подданство» показывает, что договоры между русским правительством и дагестанской знатью носили конъюнктурный, не постоянный характер, а народы Дагестана не состояли тогда в российском подданстве.

В XVIII в. практика шертования уходит в прошлое, уступив место вступлению под имперскую «протекцию», что отражал тот же самый принцип покровительства (протектората), что олицетворялся шертью. Но в обоих случаях взгляды сторон на заключаемые соглашения принципиально различались. Если местные правители видели в них прежде всего пакт о военном союзе и ненападении или же мирный договор, мало обязывающий, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения (Трепавлов В.В., 2007. С. 160).

В XVIII в. в условиях активизации действий великих держав на Кавказе дагестанская правящая знать продолжала проводить свою традиционную политику лавирования. Наряду с Персией становятся более заметными притязания султана Турции. И отдельные дагестанские правители могли одновременно рассчитывать на покровительство от султана и шаха, жалованье – от шаха и императора (Махмуд из Хиналуга, 1997. С. 78). До Персидского похода Петра I 1722 г. российское правительство рассматривало Дагестан как сферу интересов Ирана, отмечает В.В. Трепавлов. Это подтверждалось постоянным и щедрым шахским жалованьем шамхалам и уцмиям. Мы не можем согласиться с таким утверждением автора, поскольку имеющиеся данные позволяют утверждать, что еще в середине XVII в. русские послы в Персии заявляли: «Все кумыские мурзы исстари в вечном холопстве у московских царей, а их братья и племянники до настоящего времени находятся на Терке в аманатах... Земля, на которой построен город Терки и Сунжа, принадлежит России; да не только та земля, и Тарки издавна считаются царским владением» (Зевакин Е., 1929. С. 24).

Говоря о присоединении Дагестана к России, то следует отметить, что Дагестан тогда не являлся частью Российской империи, хотя в результате Каспийского похода Петра I на короткий

срок была присоединена часть территории Дагестана к России. Просьбы о покровительстве, заверения в верности русским властям со стороны дагестанской знати продолжались, но российские власти не торопились с установлением своей полноправной власти над Дагестаном, стараясь не ухудшить и без того не простые отношения с Персией и Турцией. Только в 1813 г., одержав победу в русско-иранской войне 1804–1813 гг., Российская империя официально присоединила Дагестан.

Не однозначно оценивается в исторической науке характер присоединения Северного Кавказа, в том числе Дагестана к России. Дело здесь, как отмечает исследователь проблемы присоединения Сибири к России А.С. Зуев, в путанице в терминологии, смешении терминов и понятий, что в свою очередь является следствием абсолютной непроработанности методологии вопроса. «Проколов» в этом плане достаточно много: отсутствие, во-первых, историко-типологических моделей присоединения отдельных территорий и народов и, во-вторых, четкого определения тех понятий и терминов, которыми оперируют. Советские историки в разное время употребляли термины «присоединение», «завоевание», «вхождение», «добровольное вхождение» и т.п., однако никогда не пытались дать им методологическое обоснование (Зуев А.С.).

Термин «присоединение» благодаря своей «всеохватности» устроил подавляющее большинство исследователей-кавказоведов. Однако в 1970-е гг. продуктом советской идеологии стала концепция «преимущественно мирного присоединения» народов Кавказа, опиравшаяся не на исторические факты, а на заданные советским правительством идеологические установки. В рамках этой концепции в то время толковалось присоединение к России и других регионов страны – Сибири, Поволжья, Средней Азии.

С началом эпохи «перестройки» и с утратой ведущей роли господствовавшей советской идеологии по-новому стали смотреть на проблему присоединения народов к России. Термин «присоединение» вновь перестал устраивать некоторых кавказоведов, на этот раз в нем не нравилось то, что его можно употребить в значении «мирного и добровольного вхождения». Звучали призывы весь процесс включения Кавказа в состав России рассматривать «как завоевание», поскольку военный характер доминировал в российско-кавказских отношениях. Высказывались мнения, что термин «добровольное вхождение» вообще не имеет права на существование, ибо в мировой истории нет ни одного примера, когда бы один этнос по-настоящему добровольно, без всяких внешних побудительных причин, присоединился бы к другому этносу (вошел в состав другого государства).

В то же время вступление дагестанских феодальных правителей и старшин в российское подданство на добровольной основе подтвержден многочисленными достоверными документальными источниками. Согласно нормам русского языка, «добровольно» – значит всего лишь «по своей (по доброй) воле», т.е. по собственной инициативе, через собственное волеизъявление. А какими мотивами руководствуются просящиеся «под высокую государеву руку» – «корыстными» или «бескорыстными» – это уже другой вопрос, может быть, и заслуживающий специального рассмотрения, но к понятию «добровольности» отношения не имеющий. Ставить же под сомнение добровольный характер вступления того или иного народа в российское подданство лишь на том основании, что решение об этом принимается правителями, а не в ходе всенародного плебисцита (т.е. с точки зрения современного права), значит множить число историографических курьезов, попыток вульгаризации и модернизации истории. Излишне доказывать нереальность достижения подлинного волеизъявления народных масс в средневековом обществе – и с точки зрения ментальностей эпохи, и с точки зрения ее технических возможностей (Никитин Н.И.).

Вопрос о добровольном присоединении ряда народов к России неоднократно обсуждался российскими историками еще в начале «перестройки». Наиболее остро проходило такое обсуждение в 1989 г. в Звенигороде на «круглом столе», посвященном формированию Российского многонационального государства. Участники «круглого стола» указывали на недопустимость «однотипной интерпретации исторически сложных неоднозначных актов добровольного присоединения», когда исследователи «отождествляли понятие добровольности в феодальный, капиталистический и современный периоды». В выступлениях также говорилось о необходимости выяснять «конкретные мотивы таких важных шагов», ибо «принятие решения о добровольном присоединении предполагает серьезные внешнеполитические причины или кризисные явления во внутренней жизни. Оно предполагает также достаточно высокую степень общественно-политического и экономического развития. Это акт обоснованный и подготовленный объективно создавшейся ситуацией, причем далеко не всегда предполагающей единогласное

мнение всех социальных групп» (История и историки, 1995. С. 9, 17). В докладах вполне оправданно указывалось на то, что добровольность не является выдумкой, мифом исследователей, она реально имела место в практике взаимоотношений народов с Россией. Притом внешнеполитический фактор имел весьма важное значение, когда тому или иному народу грозил геноцид со стороны более сильных соседних государств (История и историки, 1995. С. 44–45). Сказанное всецело имеет прямое отношение к Дагестану.

Вопрос о присоединении к России народов и территорий был затронут и в одной из последних монографий российского историка А.Н. Сахарова, отметившего, что в XVI в. «этот процесс был сложным и драматическим, много было здесь и трагедий, и крови. Но немало здесь было и доброй воли, желания народов объединиться под рукой Москвы. Ведь кабардинцев никто не толкал к объединению, они пришли к нему сами. Как и башкир никто не заставлял присоединяться к Москве, они пришли к этому тоже сами... чтобы избежать геноцида со стороны своих более сильных противников. Позднее так же было и с другими государствами Северного Кавказа, Закавказья и т.д.» (Сахаров А.Н., 2006. С. 105–106).

Другой историк В.В. Трепавлов, комплексно изучив вопрос о формах подданства различных народов русскому царю в XV–XVIII вв., привел немало вполне конкретных примеров добровольных присоединений (в том числе – «народов Кавказа») к России и подробно раскрыл главные побудительные мотивы этих шагов, вполне в тех условиях понятные: надежды избавиться от вражеских вторжений, желание находиться в более выгодном экономическом положении и т.д. (Трепавлов В.В., 2007. С. 102, 105–109). Так что отрицаемую некоторыми исследователями возможность добровольного присоединения нерусских народов в состав России (равно как и других государств) надо признать вполне реальной, подтвержденной вполне надежными источниками и признаваемой многими ведущими историками.

Новые подходы к истории Дагестана XVII–XIX вв. не ограничиваются дискуссиями о характере присоединения к России. Сомнению начинают подвергаться, казалось бы, общепризнанные факты присоединения многих дагестанских земель к России конца XVIII – начала XIX в. Следует отметить, что далеко не всегда процесс присоединения являлся непрерывным и необратимым. Выход каких-то территорий и народов из подчинения тому или иному государству (временный или окончательный) – не такое уж редкое явление в истории, однако утрата государством своих земель не может отменить факта их присоединения к нему в более ранние времена.

Относительно того, что в ряде работ историков с начала 1990-х гг. стали подчеркивать, что Гюлистанский договор был подписан за спиной народов Дагестана, не соответствовал их национальным интересам, следует добавить, что исследователи международных отношений допускают начиная с XVIII столетия «учитывать закрепление территорий за Россией в результате международных договоров» (Трепавлов В.В., 2007. С. 135), каковым собственно говоря, является Гюлистанский мирный договор 1813 г., согласно ст. III которого Дагестан вместе с другими территориями Кавказа официально признается вошедшей в состав Российской империи и приобретает статус субъекта внутренней политики России.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаджиев В.Г. Документы о русско-дагестанских отношениях // Исторический архив. № 3. М., 1959. С. 208–216.
- Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929. – 124 с.
- Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // http://zaimka.ru/to_sun/zuev1.shtml
- История и историки. М., 1995. – 145 с.
- Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. –271 с.
- Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV–XV веках. Махачкала, 1997. – 208 с.
- Никитин Н.И. Присоединение Сибири // <http://statehistory.ru/books/kollektiv-avtorov>.
- Сахаров А.Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006. – 236 с.
- Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М., 1991. – 223 с.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. – 255 с.

Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. №11. 2007. С. 155–163.

Трепавлов В.В. «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов III Международной научной конференции. Ч.1. Челябинск, 1995. С. 28–30.